

[Что это еще за дрянь?!] — перепугался Ли Фуюй.

Янь Фуи не успел разглядеть лица незнакомца, но бесцеремонное, наглое прикосновение вызвало у него мгновенный приступ тошноты. Перед глазами все еще плыло, однако духовные силы отозвались без малейшего промедления.

Плотная, тяжелая духовная энергия, отравленная темной примесью демонической ци, в мгновение ока закружилась вокруг Янь Фуи грозovým вихрем и с сухим треском рванула во все стороны. Незнакомец лишь удивленно хмыкнул и поспешно отпустил его, отскакивая назад.

Почувяв, как волнами исходит от врага удушливая демоническая ци, Янь Фуи не пожелал тратить время на пустые разговоры. Меч Уван с залиvistым звоном вылетел из ножен, устремляясь в стремительный выпад.

В глухой глуши безлюдных гор завязался яростный бой. Вспышки ослепительной стальной лазури и клубы черного дыма сталкивались в бешеном ритме, однако противники с пугающей точностью удерживали разрушительную силу в узких пределах. Сражение гремело не на жизнь, а на смерть, но ни единая ветка на вековых деревьях окрест даже не надломилась.

Ли Цинхэ наблюдал за ними из укрытия, и с каждым мгновением его охватывал все больший ужас.

Он был уверен, что досконально знает, в каком состоянии находится старший шисюн. Грозовая кара на Террасе Испытания Совести и без того должна была лишить обычного заклинателя половины жизненных сил. Что уж говорить о том, что последовало дальше, когда подстрекаемый им Янь Тиншуан коварством лишил брата Врожденных Костей Меча, вырвав их из тела до единой.

То, что Янь Фуи вообще остался жив, казалось невероятным чудом. В расчетах Ли Цинхэ тот давно должен был превратиться в жалкого, немощного калеку, неспособного поднять чашку воды — куда слабее любого деревенского силача.

Но тот, кто сейчас скрестил оружие с молодым господином демонов Сян Цзюнем и бился с ним на равных... Неужели это лишь безумная галлюцинация?

Хотя Достопочтенный демонов уже пробудился, он по неясным причинам так и не явился лично в Долину Затяжного Ожидания, доверив командование Сян Цзюню.

До сегодняшнего утра столкновения не выходили за рамки схваток между заклинателями ниже уровня Золотого Ядра. Собственно, Ли Цинхэ и бросился за подмогой в главный лагерь именно потому, что молодой предводитель демонов впервые лично вмешался в битву.

Как утверждал великий старейшина, охранявший оборонительную формацию, этот юнец,

вероятно, уже перешагнул порог Зарождающейся Души.

Среди молодого поколения праведных орденов никто не мог похвастаться даже Золотым Ядром. Если Сян Цзюню действительно еще не исполнилось и сотни лет, он — недостижимый гений, равных которому не сыскать во всех Девяти Провинциях.

Но что за дикая картина предстала перед Ли Цинхэ теперь? Истерзанный, лишенный священных костей меча Янь Фуи противостоял этому чудовищу без малейших признаков слабости!

Впрочем, если Янь Фуи наносил удары молча и сосредоточенно, вкладывая в каждый выпад всю свою волю, то Сян Цзюнь двигался с ленивым изяществом, явно забавляясь.

— Братец Фуи, — нежно позвал он, и в его вкрадчивом голосе скользнули непривычные, почти заискивающие нотки. — Неужели ты совсем меня не помнишь?

[Да когда ты успел связаться с этим... {цензура}?!] — Ли Фуюй в его сознании едва ли не прыгал от возмущения. — [Почему я о нем впервые слышу?!]

Янь Фуи промолчал — он и сам не знал ответа.

Сян Цзюнь резко разорвал дистанцию. Взрыв в воздух, он невесомо опустился носком сапога на тонкую макушку самого высокого дерева. Янь Фуи запрокинул голову, следя за его движениями; клинок Уван опустился, его острое было направлено в землю, а с кончика лезвия сорвался алый ручеек чужой крови.

Солнечный свет бил сверху, слепя глаза и мешая разглядеть лицо демона. Однако Янь Фуи точно знал: его последний выпад достиг цели, оставив на бледной щеке противника тонкий порез.

Тяжелая, круглая капля крови сорвалась со свисающей ветви. Из-за притупившихся чувств Янь Фуи среагировал слишком поздно и не успел уклониться. Влажное тепло коснулось его кожи.

В этой крови теплился странный, смутно знакомый аромат, природа которого никак не поддавалась угасанию его памяти.

Молодой демон негромко, горько усмехнулся.

— Значит, и правда забыл. Не думал, что меня так легко вычеркнуть из жизни.

С высоты ветвей Сян Цзюнь смотрел вниз. Тучи рассеялись, и сквозь пробивающиеся листья на лицо Янь Фуи падали косые теплые лучи. За долгие годы скитаний и разлуки тот сильно

изменился, растеряв детскую округлость черт.

Но Сян Цзюнь не требовалось всматриваться в лицо, чтобы узнать его. Он помнил саму суть этого человека: этот горделивый наклон головы, скрытую нежность за маской ледяного равнодушия и, главное, его глаза. Стоило Янь Фуи поднять взор навстречу свету, как его радужка отливала благородным каштановым оттенком с тонкой золотистой каймой по краю.

Бесчисленными темными ночами Сян Цзюнь выживал лишь благодаря воспоминаниям об этих глазах. Они были его единственным маяком в бездне.

Янь Фуи разомкнул сухие губы:

— Кто ты такой?

«А его нынешний голос звучит точь-в-точь так, как я себе представлял» — пронеслось в мыслях у Сян Цзюня.

— Я же Сяо Чжэнь, — тихо отозвался демон. — Ты ведь столько раз спасал меня, братец.

Янь Фуи вздрогнул. Его ресницы едва заметно затрепетали, взгляд затуманился.

Память в последнее время безжалостно подводила его, стирая события и лица. Раньше это даже приносило облегчение — вместе с именами уходили старые обиды, оставляя после себя лишь безмятежный покой.

Но слова этого демонического заклинателя вдруг всколыхнули в глубине души илистый осадок прошлого. В груди разлилась глухая, тягучая боль, от которой перехватило дыхание.

— Сяо Чжэнь... — невольно сорвалось с его губ.

Сян Цзюнь, подобно легкому дыму, соскользнул с ветви и завис чуть ниже. Его тонкие пальцы потянулись к шее и извлекли из-под одежд подвеску Звезды и Луны. В капризных лучах солнца серебристый металл вспыхнул, напоминая крошечную, тающую на глазах снежинку.

— А это? — вкрадчиво спросил он. — Неужели ты позабыл и это?

Земля под ногами Янь Фуи словно покачнулась. Перед глазами заплескали радужные круги, голова закружилась так сильно, что он едва удержал равновесие.

Кажется, он вспомнил.

Прежде чем отыскать путь к праведным горам и укрыться под сенью Даосского ордена Куньлунь, Янь Фуи вместе с младшим братом долгих три года скитался по миру смертных.

В ту пору ему едва исполнилось пять — возраст, когда обычные крестьянские дети еще не умеют толком связывать слова.

Однако маленький Янь Фуи уже тогда перешагнул порог ступени Очищения Ци. Одним точным ударом меча он мог расколоть надвое толстенный пень в обхват взрослого мужчины.

Оберегая болезненного, пугливого Янь Тиншуана, он стойко сносил голод и лишения. Жизнь их была суровой, но, по крайней мере, им удавалось избегать смертельных опасностей.

Вскоре после гибели родного дома, во время бродяжничества по Центральным равнинам, Янь Фуи частенько заступался за таких же обездоленных сирот, лишившихся крова.

Имен и лиц тех бедолаг он почти не помнил. Да и какой смысл держать в голове сотни спасенных жизней, когда у тебя самого за душой ни гроша?

Но Сяо Чжэнь стоял особняком. Другие сироты, получив помощь, уходили своей дорогой, а этот мальчишка упрямо увязался за ними. Он не докучал своим присутствием, лишь держался на почтительном расстоянии. Стоило ему раздобыть хоть какую-то скудную снедь, как он под покровом ночи оставлял ее неподалеку, чтобы проснувшийся на рассвете Янь Фуи сразу ее заметил.

«Он ведь напоминает дикого, голодного котенка, упрямо пытающегося отплатить за проявленную ласку» — проносилось порой в мыслях маленького Янь Фуи.

На исходе второго месяца Янь Фуи наконец поймал его с поличным. Замарашка оказался худым, чернявым и доходящим до истощения. Его кожу покрывали грязные царапины и ссадины, на вид он казался еще слабее хрупкого Янь Тиншуана, но взгляд его горел лихорадочным, живым блеском.

Уже тогда в маленьком Янь Фуи проявилась его неискоренимая, жертвенная доброта. Оглядев замученного ребенка, он вздохнул:

— Сяо Шуан совсем слаб здоровьем. Раз тебе все равно заняться нечем, приглядывай за ним.

С того дня они пошли дальше втроем.

Бездомные сироты редко знают, сколько им лет на самом деле. Сяо Чжэнь был на полголовы

выше Янь Фуи, но упрямо твердил, что тоже хочет звать его «гэгэ», вслед за младшим братом.

«Пусть зовет, — думал тогда маленький Янь Фуи. — Раз уж мне суждено оберегать их».

Янь Фуи твердо решил забрать Сяо Чжэня с собой на далекий Куньлунь, о котором когда-то рассказывала покойная матушка. У мальчика обнаружились на удивление крепкие духовные каналы. Те основы искусства меча, что Янь Фуи успел запомнить от матери, Сяо Чжэнь схватывал на лету, продвигаясь в обучении куда стремительнее медлительного Янь Тиншуана.

Впрочем, недюжинный ум паренька проявлялся не только в медитациях.

В их маленьком бродячем отряде роли распределились сами собой: Янь Фуи оберегал их от опасностей, а Сяо Чжэнь взял на себя все заботы о пропитании и общении со смертными. Он умел быть вкрадчивым, ловко заговаривал зубы торговцам и ухитрялся выгадывать там, где другие терпели убытки, превращая одну медную монету в две.

Янь Фуи лишь диву давался его сноровке. В этих мирских делах Сяо Чжэнь превосходил его на голову.

Так они прожили бок о бок около двух лет.

А затем, в один из дней, Сяо Чжэнь просто исчез.

Это утро ничем не отличалось от сотен предыдущих. Проснувшись на рассвете, Янь Фуи обнаружил, что все их скромные сбережения испарились. Вместе с монетами пропала и единственная дорогая вещь, оставшаяся от матери, — защитная подвеска Звезды и Луны.

Голова Янь Фуи отозвалась пульсирующей, невыносимой болью.

В сознании панически верещал Ли Фуюй, но его взволнованный голос доносился словно сквозь толщу воды. Все внимание Янь Фуи поглотила серебряная подвеска, искрящаяся в лучах солнца; воздух вокруг нее подернулся зыбкой рябью, стирая очертания реальности.

За всю свою жизнь он держал в руках слишком мало вещей, которые мог бы с уверенностью назвать своими.

Потери его не пугали, но тот далекий рассвет до сих пор отдавался в памяти ледяным ветром. Он помнил, как покрылся липким холодным потом, как бежал сломя голову, пока легкие не забило колючей стужей, как дрожал всем телом от дикого, пожирающего чувства вины.

«Я ведь снова умудрился потерять маму»

Янь Фуи судорожно прижал ладонь к груди. Но подвеска Ледяного Кристалла, которая обычно даровала ему прохладу и умиротворение, сейчас словно раскалилась докрасна. Острые грани впились в ладонь, рассекая кожу, и он уже не мог разобрать, что омывает пальцы — холодный пот или горячая кровь.

Этот кристалл никогда ему не принадлежал.

Его собственная реликвия затерялась во тьме прошлых лет по его же вине.

Он ведь прекрасно знал, что этот ледяной осколок предназначен для Янь Тиншуана. В нем была запечатана чистая, безраздельная материнская любовь ко второму сыну.

И все же он не совладал со слабостью. Когда младший брат протянул ему этот кристалл, Янь Фуи малодушно принял дар, не найдя в себе сил вымолвить даже примитивного оправдания своей алчности.

«Матушка... Должно быть, ты тоже разочаровалась во мне»

Не потому ли за все эти годы она ни разу не явилась к нему во снах? Порой Янь Фуи просыпался посреди ночи в слезах и с ужасом осознал, что стирающиеся черты ее лица ускользают из памяти, а мягкий голос тонет в глухом шуме. Все, что осталось от его детского рая, — лишь горсть окровавленного пепла.

Сян Цзюнь бесшумно соскользнул с ветви и заступил Янь Фуи дорогу, закрывая собой слепящие лучи солнца. Он пристально вглядывался в лицо заклинателя, ловя малейшие изменения в его выражении. Стоило ему заметить, как в потемневшем взоре Янь Фуи вспыхнуло мучительное осознание, демон довольно улыбнулся. Он вспомнил.

Именно этого Сян Цзюнь и желал.

— Братец, — ласково прошептал он, делая шаг навстречу. — Уйдем со мной.

Янь Фуи промолчал, не в силах вымолвить ни слова.

— Эти лицемерные праведники долго не продержатся. Скоро Державный отец вместе с Великими защитниками прибудет сюда лично. Будь здесь хоть все их хваленые почтенные мастера — им нечего противопоставить мощи Царства демонов.

Сян Цзюнь нежно коснулся пальцами впалой щеки Янь Фуи. Тот оказался куда бледнее и худее, чем рисовалось в его мечтах.

«Должно быть, жизнь среди заклинателей ордена обернулась для него сущим кошмаром. Но это даже к лучшему. Чем сильнее истерзали Янь Фуи так называемые соратники, тем преданнее он привяжется к своему спасителю, когда обретет покой в его чертогах».

Сян Цзюнь окружит его такой роскошью и заботой, о какой бездомный сирота из прошлого не смел даже грезить.

Длинные, похожие на крылья бабочки ресницы вздрогнули, и Янь Фуи медленно поднял голову.

В этот миг прятавшийся в зарослях Ли Цинхэ покачнулся и едва не рухнул на колени. Твердая земля под его ногами заходила ходуном, словно в глубинах недр пробудилось первобытное исполинское чудовище, сияющее разорвать свои оковы. Окружающие хребты отозвались низким, утробным гулом, похожим на яростный рев дракона. Ли Цинхэ в неопишемом ужасе уставился на небосвод: тяжелые тучи над головой мгновенно рассеялись, уступая место безбрежной синеве, а пространство заполнила невидимая, удушающая волна чудовищного давления, заставившая саму его душу трепетать от первобытного страха.

Янь Фуи сделал шаг вперед, сокращая расстояние до ошеломленного демона. Его бледные губы разомкнулись, и он произнес лишь два слова:

— Верни мне.

Тихий, едва различимый шепот прозвучал подобно грому небесному. В этом голосе сквозило такое неоспоримое, величественное превосходство, что Сян Цзюня обдало ледяным потом. В его груди шевельнулся тот самый панический страх, который он испытывал лишь перед своим Державным отцом — необоримое желание немедленно склонить голову и подчиниться чужой воле.

Впрочем, сильнее всех в этот миг паниковал Ли Фууй.

Не укладывалось в голове, из каких скрытых резервов Янь Фуи черпает эту колоссальную, пугающую мощь. Но одно он понимал кристально ясно: хрупкий сосуд нынешнего тела заклинателя попросту не выдержит подобного напора. Если позволить этой бешеной энергии вырваться на свободу, она сотрет в порошок не только стоящего перед ним наглого демона, но и самого Янь Фуи, испепелив его душу до мельчайших крупиц!

Но как достучаться до него? Янь Фуи полностью закрыл свое сознание от внешнего мира, погрузившись в транс, где не отдавал отчета собственным действиям. Разбудить его было невозможно.

«Неужели... неужели придется пойти на крайние меры?»

«Будь что будет!»

Ли Фуюй лихорадочно забормотал системные коды. Он чувствовал, как стремительно гаснут его собственные чувства, словно неведомая высшая сила бесцеремонно вторгалась в его разум, требуя принести себя в жертву ради спасения хозяина.

Бесплотный, неосязаемый дух Системы в глубинах сознания Янь Фуи начал стремительно уплотняться, обретая очертания высокого, размытого силуэта.

Над всей безбрежной Долиной Затяжного Ожидания, по всем ее лесам и ущельям, раскинувшимся на тысячи ли, пронесся оглушительный, проникающий в самые глубины сознания колокольный звон. Этот величавый гул заставил содрогнуться каждое живое существо, застывшее в немом благоговении.

Далеко за пределами мира смертных, на самом дне Бездны, посреди бескрайнего моря кипящей крови, Достопочтенный демонов лениво восседал на своем роскошном троне, вырезанном из костей поверженных врагов. Внезапно его веки дрогнули, и он распахнул глаза.

<http://bllate.org/book/20278/2192215>